КАСПІЙСКОЕ ПОМОРЬЕ.

Сѣверный и сѣверовосточный берегъ Каспія, начиная отъ самой Астрахани и нѣсколько далѣе устьевъ Эмбы, или по мѣстному названію Джима, состоитъ изъ камышей, топей, сыпучихъ песковъ, и топкихъ, илистыхъ солончаковъ. Все пространство это, безъ всякаго сомнѣнія, не слишкомъ давно еще обкатилось отъ воды; это свѣжее морское дно, вновь образовавшаяся суша, если только ее можно назвать этимъ именемъ. Море отступаетъ или усыхаетъ, камыши, такъ сказать, слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, подвигаются впередъ, между тѣмъ, какъ они же по всей степной, присушной окраинѣ своей, въ той же мѣрѣ убываютъ, усыхаютъ отъ недостатка воды. Такимъ образомъ напримѣръ, Богатый Култунъ обмелѣлъ нынѣ весь, тогда какъ въ памяти нынѣшнихъ стариковъ еще это былъ лучшій и богатѣйшій притонъ красной рыбы — отъ

чего произошло и самое названіе его — и сосѣдній частный владѣлецъ тягался многіе годы съ Уральскимъ войскомъ за этотъ Богатый Култунъ, въ которомъ нынѣ остались одна грязь и тина. Нельзя не упомянуть при этомъ, что сѣверное поморье Каспія, по видимому — и по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не всегда такъ постоянно убывало; прибыль и убыль, какъ полагаютъ, чередуются, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Приморскій караванный путь изъ Хивы на Нижне–Уральскую линію, пролегаетъ по едва проходимымъ лѣтомъ солонцамъ и болотамъ — особенно по близости устьевъ Эмбы. Вотъ почему всѣ сообщенія этимъ путемъ бываютъ, большею частію, зимою; *зимники*, то есть зимніе пути, короче и удобнѣе. Впрочемъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Хивинскіе караваны уже нѣсколько лѣтъ не стали ходить на Нижне–Уральскую линію; они отправляются или прямо въ Оренбургъ, или же на Мангмилацкую пристань, не подалеку мыса Тюпъ–Карагана, у залива Качакъ, и оттуда

товары перевозятся моремъ въ Астрахань. Если однакоже караваны тутъ судовъ не застанутъ, то посылаютъ гонца вдоль Восточнаго берега Каспія, до самой Астрахани, гдѣ уже нанимаютъ суда и отправляютъ ихъ за грузомъ на Мангмилакъ. Поиски наши, ученые и военные, на этомъ пространствѣ, также преимущественно предпринимались зимою, на что, впрочемъ, кромѣ объясненной причины, есть еще другая: зимою снѣгъ замѣняетъ воду, которой лѣтомъ мѣстами нѣтъ вовсе на огромныхъ пространствахъ: здѣсь рѣки и озера всѣ почти соленыя и горькія.

Для большаго сокращенія пути, казачьи отряды наши иногда переходили здѣсь значительныя разстоянія льдомъ; кромѣ того аханное рыболовство Уральцевъ производится по льду, на взморьи; и при этихъ то обстоятельствахъ бывали случаи замѣчательные. Если южными вѣтрами воду подгоняетъ къ сѣвернымъ берегамъ, то ледъ поднимаетъ, взламываетъ, отдѣляетъ отъ материка; и если вслѣдъ за тѣмъ вѣтеръ

отойдетъ къ сѣверу, то отдѣлившіяся льдины относитъ отъ береговъ, уноситъ въ морѣ. Льдины эти бываютъ иногда въ нѣсколько верстъ длины и ширины, такъ, что находящимся собственно на ней, довольно трудно замѣтить во время, что льдина отдѣлилась и несется по вѣтру. Казаки для предосторожности, опускаютъ обыкновенно тяжесть на веревкѣ на морское дно, или, какъ глубина въ Мертвомъ Култунѣ незначительна, вбиваютъ колья, втыкаютъ копья въ морское дно и наблюдаютъ. Если льдину понесетъ, то, бросивъ все, пускаются вскачь къ берегу и достигаютъ до береговаго льда вплавь, или, какъ случалось, откалывая небольшую льдину и употребляя ее вмѣсто плота или порому, а копья свои замѣсто шестовъ. Такимъ образомъ однажды цѣлая сотня благополучно переправилась съ оторванной подъ ними вѣтрами льдины на береговой стоячій ледъ; сани и лошади, все поочередно было поставлено на льдяной поромъ этотъ и достигло берега. Если

казаки встрѣчаютъ на пути широкія *маины*, не покрытые льдомъ протоки, то поступаютъ такимъ же образомъ, или даже дѣлаютъ на скорую руку ледяной, пловучій мостъ, откалывая льдины, спроваживая ихъ на мѣсто и связывая воткнутые въ нихъ копья арканами. Случилось однажды, что ледъ обломился и пушка провалилась на полуторѣ или двухъ саженяхъ и случилось это въ Январѣ мѣсяцѣ; Уральскіе казаки раздѣвались, ныряли, поддѣли ее арканами и вытащили. На оханномъ рыболовствѣ не рѣдко бывало, что казака оторветъ со льдиной и унесетъ въ море; здѣсь, на просторѣ, волненіе крошитъ и ломаетъ помаленьку льдину — ненадежный ледяной челнъ уменьшается, убываетъ съ часу на часъ, съ минуты на минуту; отъ огромной льдины остается наконецъ подъ бѣдствующимъ казакомъ небольшой осколокъ, который все еще съ краевъ своихъ крошится и обламывается — все это случалось; но казаки увѣряютъ, что никогда еще Гурьевскій казакъ на опасномъ промыслѣ своемъ не погибалъ;

прирожденный и разторопный морякъ, онъ всегда находилъ средство пристать тутъ или тамъ ко льду и пробраться, то вплавь, то опять по льду, то въ бродъ, до материка. Въ 1836 году еще — или въ 1835 — въ Ноябрѣ, косную лодку затерло льдомъ; она замерзла и казаки, при Есаулѣ своемъ, съ неимовѣрными трудами и опасностями спаслись сперва на голый, заливной островокъ, гдѣ едва не погибли отъ голоду; потомъ прошли, при необычайныхъ усиліяхъ, до топей приморскихъ, и добрели наконецъ до степи, а тамъ, полуживые, до аула кочующихъ Кайсаковъ, которыми и были доставлены чрезъ нѣсколько дней въ Гурьевъ.

В. ЛУГАНСКІЙ